

Фото Виктора АХЛОМОВА.

Майя, которая вовремя ушла и вовремя осталась

Александр ВАСИНСКИЙ,
«Известия»

С конкурсных небес редко падают суперзвезды. Но там зажигаются имена, которые потом могут поразить, как вспышки сверхновых. На двух конкурсах уже появились десятки многообещающих окрыленных балетных фигур, которые выпорхнули в большой полет с ладони Майи.

Завершился II международный балетный конкурс «Майя-96». Названы имена победителей, проведены грандиозные заключительные гала-концерты в Петербурге и Москве. Чтобы поднять машину конкурса, Росинтерфесту пришлось проделать не меньше 32 двойных организационных и финансовых фузе.

Среда. Майя. Московский снег. Горячее золото зала Большого. Сцена, откуда, кажется, выкачен воздух, дающий танцорам физическую возможность, когда надо, зависать в невесомости. Игра монстри и грации. Танцовщицы, напоминающие строчку из Пруста: «Под сенью девушки в цвету». Обвал неистовых оваций. Нарастание экспрессии от номера к номеру. Выход царицы бала. Апофеоз.

Это краткое либретто вечера в Большом театре не передает и тысячной доли впечатления, которое, несмотря на некоторые технические накладки, захватило участников и зрителей. За блеском концерта как-то притупилась остrosota тех проблем, которые заботили накануне.

Как показали события, наибольшие удачи были явлены в сфере нетривиального современного балета, а это как раз и было одной из творческих сверхзадач конкурса. Конкурс не подарил каких-то сенсационных открытий среди исполнителей, хотя, как сказала Майя Плисецкая, «медалей оказалось меньше, чем танцовщиков, которые их достойны».

Многие номера гала-концерта, такие, как «Последний день Иуды», «Неоконченная История», фрагмент из балета «Джабула», и другие показали огромные возможности балетного театра. Пластика человеческого тела поистине неисчерпаема, как электрон. Через пятьдесят лет балетный спектакль, по-видимому, заговорит на немыслимом сегодня, непредставимо новом языке. Не удивлюсь, если кто-то из будущих хореографов дерзнет поставить балет по рассказу Достоевского «Бобок», хотя там, как известно, персонажи представляют собой лежащих под землей новопреставленных кладбищенских покойников, жизненные функции которых, оказывается, затухают не сразу, и некоторое время после погребения они еще шевелятся, переговариваются, играют в вист и даже флиртуют. Скажут: как! персонажи лежат в лежку, а он про балет. Но, может, через пятьдесят лет чем идея будет выглядеть менее балетной, тем она будет уместнее и интересней.

Между прочим, о балете через пятьдесят лет я спросил Майю Михайловой на пресс-конференции

накануне заключительного концерта. Это было уже после того, как большинство откликнуло к фуршетным столикам, и Майя Михайлова, как водится, оказалась в плотном кольце самых верных и дотошных журналистов и с поискателей автографов. Плисецкая — сама живость, вблизи так же неотразима, как на сцене, маленькая головка, половину которой занимают глаза, телесная хрупкость и кремниевая воля — ответила нашему корреспонденту просто и с улыбкой:

— Чтобы я вам ни сказала, нам не удастся это проверить, где мы будем с вами через пятьдесят лет...

Да, вопрос и в самом деле завис в воздухе. Что ж, пусть он так и повисит до 2048 года, когда он разрешится без всяких слов, сам собой на сценах мира.

Все эти декабрьские дни конкурса и в Петербурге, и в Москве царила сама Майя Михайлова, не устающая удивлять. В ее жизни и душе не один раз размашисто расписывались борьба и ожесточение, теперь, похоже, ей покойно, жизнь ставит ей свои убористые знаки искренней нежности и приятательности. Это прекрасно, что Майя не хочет уходить в тень, в частную жизнь.

Да, в балетной карьере нет правил для всех. Кто-то, достигнув вершин, сумел вовремя уйти, как Уланова. Кто-то сумел вовремя остановиться, как Барышников. Плисецкая и вовремя ушла, и вовремя осталась, и вовремя продолжает не уходить уходя.